

не определив, какое место в его жизни занимала работа над тем или иным романом или повестью. Но в то же время самый принцип анализа художественных произведений не всегда можно назвать удачным. Возьмем для примера небольшую часть из анализа второй редакции «Детства» (кн. 1, стр. 359—361). Сначала сообщается о том, что во второй части второй редакции выступает целый ряд новых лиц, многие из которых напоминают родных и близких Толстого; указывается, кого именно они напоминают. Далее говорится о возражении Толстого против романтической традиции изображения. Далее следует указание на использование Толстым приема разговора взглядами в одной из сцен повести. И тут же упоминается, что вся сцена возвращения пьяного Карла Ивановича, очевидно, списана с натуры, так как что-то подобное было с его прототипом Ресселем. На одной-двух страницах наблюдения самого различного характера сменяют друг друга, причем каждое последующее возникает перед читающим неожиданно, без внутренней связи с предыдущим. Последовательность изложения в таком анализе определяется сменой сцен и глав рассматриваемого произведения. В результате исследование как будто сводится к отдельным замечаниям, не создавая целостного представления о произведении или какой-либо его редакции. Кроме того, анализ художественного произведения как определенной ступени в развитии мировоззрения Толстого, в развитии его мастерства и эстетических воззрений нередко перебивается поисками автобиографических элементов, хотя это уже было сделано в соответствующих разделах биографии: автобиографические моменты «Детства» установлены были, когда говорилось о детстве Толстого, автобиографические моменты «Юности» — когда речь шла о его юности и т. д. Это не только приводит к ненужным повторениям, но и нарушает внутреннюю логику анализа.

В заключение следует подчеркнуть, что, оценивая большой и нужный труд Н. Гусева, мы остановились не только на его положительных сторонах, но и на его недостатках отнюдь не для того, чтобы умалить значение этого капитального труда. Хотелось бы, чтобы, завершая свою работу (пока она доведена до 1869 года), автор постарался сделать ее более определенной по жанру, который теперь можно принять как нечто среднее между биографией и сводом материалов к научной биографии великого писателя.

Л. КУЗИНА

О НЕКОТОРЫХ ОШИБКАХ В ИЗУЧЕНИИ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Биографические сведения о молодом Островском очень скудны и отрывочны. Несмотря на то, что трудами советских историков литературы достигнуты некоторые успехи в изучении раннего периода творчества Островского, многое в первом десятилетии его деятельности остается до сих пор неясным и неисследованным.

Отсутствие достаточного количества фактов и документов толкает некоторых литературоведов на сочинение различных гипотез, домыслов, биографических реконструкций. При этом нередко случается, что гипотеза, высказанная одним из исследователей в качестве робкой догадки, расценивается в последующих работах как неоспоримый факт и переключивается из статьи в статью, из монографии в монографию.

Устранению некоторых устойчивых заблуждений и фактических ошибок в литературе об Островском посвящены наши заметки.

1

В 1939 году один из старейших исследователей творчества Островского Н. Кашин опубликовал статью, в которой говорилось о работе писателя в журнале «Москвитянин» в 1850—1852 годах¹. Достоинством этой работы было привлечение внимания ученых к наследию Островского — критика и журналиста. Н. Кашин высказал предположение, что Островский, активно сотрудничая в те годы в «Москвитянине», напечатал на его страницах (помимо двух ранее известных рецензий на повесть Евг. Тур «Ошибка» и на повесть А. Писемского «Тюфяк») еще четырнадцать анонимных критических статей и заметок. Н. Кашин составил перечень этих рецензий Островского и постарался аргументировать свое предположение. Одно из косвенных доказательств состояло в том, что статьи эти не могли принадлежать Е. Эдельсону — присяжному критику беллетристики в «Москвитянине». На основании письма Е. Эдельсона к М. Погодину был установлен перечень статей, напечатанных Эдельсоном в 1851—1852 годах. Н. Кашин исходил также из предположения, что в 1850 году ни Ап. Григорьев, ни Т. Филиппов не участвовали в журнале, и Островский вел отдел библиографии почти единолично. Таким образом получалось, что в 1850 году он написал девять статей («Стихотворения А. Фета», «Ошибка» Евг. Тур», «Сазандар» стих. Я. Полонского», «Греческие стихотворения» Н. Щербины», «Странная ночь», ком. А. М. Жемчужникова», «Причуды», ком. П. Н. Менщикова», «Очерки современной жизни» М. Корсини», «Стихотворения Г. Г. Р.», «Стихотворения девицы Е. С.»); две рецензии («Тюфяк», повесть Писемского» и «Альманах «Поэтические эскизы») были указаны Кашиным как статьи Островского, напечатанные в 1851 году, и еще пять рецензий («Проказница», ком. В. Шевича», «Изба» Горчакова», «Степные сказки» Г. Данилевского», «Сила воли», роман Г. Токарева», «Женихи», В. Шевича) — как его же статьи 1852 года.

Догадки Н. Кашина имели большой успех у многих исследователей Островского, вполне доверившихся его аргументации. После статьи Н. Кашина не было, пожалуй, ни одной крупной работы об Островском, где бы не упоминались «открытые» в 1939 году рецензии драматурга. Так, в книге А. Ревякина «А. Н. Островский. Жизнь и творчество» (1949) на основании анализа указанных статей освещаются эстетические взгляды Островского в плане его «борьбы за реализм» (см. стр. 133—137, 140 и др.).

Автор другой монографии об Островском А. Дубинская называет рецензии драматурга «до сих пор не вполне оцененной, неизученной главой истории русской эстетической мысли XIX века». «Литературно-критические статьи молодого Островского, — пишет А. Дубинская, — продолжали идеи Белинского и во многом предвосхищали (!) эстетические идеи, развитые революционными демократами-просветителями — Добролюбовым, Чернышевским, Салтыковым-Щедриным и другими. Эти статьи помогают глубже и вернее понять творческий путь драматурга. Они помогают бороться с укоренившимися в литературе об Островском ложными традициями»².

Столь высокое признание заслуг Островского-критика подтверждалось у А. Ревякина и А. Дубинской выдержками из рецензий «Москвитянина», в частности из ста-

¹ Н. П. Кашин, Островский — сотрудник «Москвитянина», Труды Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, сб. IV, М. 1939.

² А. И. Дубинская, А. Н. Островский, изд. АН СССР, М. 1951, стр. 70, 75.

тей о комедии Менщикова «Причуды», о стихотворениях Фета, «Степных сказках» Данилевского и пр.

Рецензии Островского, «открытые» Н. Кашиным, разбирались, восхвалялись, цитировались, но — странным образом — не возбуждали у исследователей желания проверить основательность заключений их первооткрывателя. Возможность такой проверки дает богатейший архив М. Погодина, хранящийся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Вот некоторые результаты предпринятых недавно разысканий.

1. Рецензия «Стихотворения А. Фета» («Москвитянин», 1850, № 6, март) принадлежит перу поэта и переводчика Л. Мея. В годы сотрудничества в «Москвитянине» он, как и И. Кокорев, писал также очерки и критические статьи (эта возможность не принималась в расчет Н. Кашиным). Об авторстве Мея говорит запись Погодина в наметках содержания № 5 журнала за 1850 год: «Мей о Фете» (фонд 231 Погодина, разд. III, п. 27, ед. хр. 59). О том же свидетельствует расписка Мея в получении 25 рублей за шестую книжку журнала («Записная книжка Погодина», фонд 231 Погодина, разд. I, п. 47, ед. хр. 35).

Анализ второй мартовской книжки журнала подтверждает, что в этом номере Мей мог быть автором лишь интересующей нас рецензии: другие материалы номера или подписаны, или анонимность их настолько прозрачна, что указать имена авторов не составляет труда. Итак, статья о стихотворениях Фета написана Л. Меем.

Напомним теперь доводы Н. Кашина, приписавшего Островскому и рецензию на «Греческие стихотворения» Щербины. Н. Кашин цитировал эту рецензию: «Второй подарок любителям поэзии от начала нынешнего года! Первым они были обязаны г. Фету; за второй должны благодарить г. Щербину...» По этому поводу Н. Кашин замечал: «Ясно, что так начать статью о «Греческих стихотворениях» мог только тот же критик, который писал и о стихотворениях Фета. Вот почему можно высказать твердую уверенность, что и статья о стихотворениях Фета также принадлежит Островскому». Следуя этой аргументации (надо только заменить имя Островского именем Мея), можно с большой долей вероятности и эту рецензию приписать Мею. Ему же, как критику поэзии в «Москвитянине», по-видимому, принадлежат короткие заметки о «Сазандаре» Полонского, «Стихотворениях Г. Г. Р.», «Стихотворениях девицы Е. С.». Впрочем, не настаивая на таком именно решении вопроса, мы хотим лишь отметить полную бездоказательность причисления этих рецензий к произведениям Островского.

2. Рецензия на комедию Менщикова «Причуды» («Москвитянин», 1850, № 17, сентябрь) написана Ап. Григорьевым. Всякие сомнения в этом уничтожает письмо его Погодину (апрель 1851 г.), в котором, производя денежные расчеты со своим патроном, Григорьев просит учесть «по старым счетам» деньги, заработанные им «за лист печатный о комедии Менщикова «Причуды» в 1850 г.» (фонд 231 Погодина, разд. II, п. 9, ед. хр. 27). Любопытно, что эта рецензия особенно широко использовалась в трудах об Островском для анализа эстетических взглядов драматурга; более того, в числе других она порой даже противопоставлялась статьям... Ап. Григорьева. «Свыше шестнадцати статей и рецензий Островского, напечатанных в «Москвитянине», — писала А. Дубинская, — по своему направлению ничего общего не имеют со статьями Ап. Григорьева...» («А. Н. Островский», стр. 69). Решительность тона в этом случае была, как оказывается, преждевременна.

3. Рецензия на комедию А. Жемчужникова «Странная ночь» также написана Ап. Григорьевым. Указание на это мы находим прежде всего в статье Григорьева о

комедии «Причуды», появившейся в журнале двумя месяцами позднее рецензии на «Странную ночь». «Без серьезного содержания и без серьезного взгляда на жизнь, — писал Григорьев, — не мыслимо истинно драматическое произведение. Вот почему так резко и прямо, хотя, может быть, не полно, высказали мы наше мнение об одном из последних явлений нашей современной драматургии (статья о комедии Жемчужникова была резко отрицательная. — *В. Л.*); вот почему, с другой стороны, мы хотим говорить и серьезно и подробно о серьезном произведении г. Менщикова. Принадлежи комедия Менщикова к тому же жалкому роду произведений, в которых действуют небывалые князья (это главный герой «Странной ночи». — *В. Л.*)... мы бы ни слова не сказали о ней»¹. Таким образом, автор рецензии как бы продолжает начатый ранее разговор с читателем, прямо ссылаясь на свою предшествующую статью.

Впрочем, известная доля сомнения может оставаться и здесь: а вдруг под этим «мы» разумеется не личное мнение автора, а общая позиция журнала, которая может высказываться в статьях разных сотрудников? Дополнительные доказательства авторства именно Ап. Григорьева мы находим в его статье-обзоре «Современника» (см. «Москвитянин», 1851, № 2, 3), где, возвращаясь к анализу комедии, Григорьев высказывает суждения, не только по смыслу, но и по форме весьма напоминающие рецензию.

Наконец, интересные указания можно обнаружить в самом тексте рецензии на комедию Жемчужникова. Обращает на себя внимание сноска: «Мы слышали, что «Странная ночь» имела большой успех на петербургской сцене: этому поверит всякий, кто знает игру г-жи Самойловой 2, гг. Сосницкого и Максимова 1»². Так мог писать лишь человек, не раз бывавший в Александринском театре. Островский, насколько известно, до 1850 года не бывал в Петербурге, в то время как Ап. Григорьев не только жил там несколько лет, но и постоянно рецензировал в печати игру петербургских актеров. Таким образом, вряд ли можно сомневаться, что анонимный автор рецензии на комедию Жемчужникова — Ап. Григорьев.

4. Рецензия на альманах «Поэтические эскизы» («Москвитянин», 1851, № 3, февраль) написана С.П. Колошиным. Как свидетельствует запись Погодина на отдельном листке, где им прикидывались денежные расчеты с Колошиным, он заплатил этому автору 8 рублей за «Поэт[ические] эскизы» (фонд 231 Погодина, разд. III, п. 27, ед. хр. 59).

5. Рецензия на комедию В. Шевича «Проказница» («Москвитянин», 1852, № 5, март) принадлежит перу посредственного писателя и критика, врага «молодой редакции» «Москвитянина» — П. Сумарокова. Об этом говорит запись денежных выплат Погодина за этот номер журнала. Погодин отмечает, что Сумароков получил четыре рубля серебром за пять страниц критики (фонд 231 Погодина, разд. III, п. 27, ед. хр. 59). Там же обозначено число страниц, написанных для этого номера Эдельсоном, Григорьевым и другими сотрудниками. Кроме того, известно, что Григорьев написал для этого номера обзор «Библиотеки для чтения», Эдельсон — обзор «Отечественных записок» и т. д. Методом исключения нетрудно установить, автором каких анонимных рецензий был П. Сумароков.

6. П. Сумароковым же написаны рецензии: «Степные сказки» Г. Данилевского и «Сила воли», роман Г. Токарева». В письме Погодину 25 мая 1852 года, уезжая на

¹ «Москвитянин», 1850, № 17, отд. IV, стр. 22.

² Т а м ж е, № 13, отд. IV; стр. 27.

отдых в деревню, Сумароков писал: «Мне хочется еще написать этими днями несколько рецензий. В том числе я разберу французский фарс, игранный в Киеве» (фонд 231 Погодина, разд. II, п. 32, ед. хр. 23). 18 июля того же года он извещал Погодина, что на его имя в Москву «посланы по почте три рецензии: «Степные сказки», «Сила воли» и «Oubliez le bout de votre nez». Из указания на этот французский фарс, шедший в Киев, видно, что это те самые рецензии, которые Сумароков собирался писать еще в мае. Текст письма исключает сомнения в том, что все три рецензии принадлежат самому Сумарокову. «Значит, все книги, которые я взял от вас, разобраны», — заключает свое известие о посланных рецензиях Сумароков.

Статья Сумарокова о Данилевском была помещена в июльской книжке «Москвитянина» (№ 14), а рецензии на роман «Сила воли» и на французский фарс появились в августе (№ 15).

Нет оснований приписывать Островскому и другие статьи 1852 года — рецензию на «Избу» Горчакова и маленькую критическую заметку о комедии В. Шевича «Женихи». Возможно, что эти рецензии, по крайней мере первая из них, также написаны П. Сумароковым. Сошлемся на его письмо Погодину от 17 ноября 1852 года, где он утверждает: «В течение первой половины нынешнего года я был главным вашим сотрудником по редакции... мне принадлежат многие статьи библиографической хроники».

Таким образом, как и признавалось издавна, в журнале «Москвитянин» были опубликованы лишь две статьи Островского. Рецензия на повесть Евг. Тур «Ошибка» подписана «А. О.», а в оглавлении журнала за год, приложенном к № 1 «Москвитянина» за 1851 год, эта подпись заменена более прозрачной: «А. Н. О — го». Рецензия на повесть Писемского «Тюфяк» (напечатана за подписью «О.») также принадлежит Островскому. Здесь к высказанным ранее доводам мы можем добавить, что в записях денежных расчетов с сотрудниками «Москвитянина» Погодиным отмечено, что за № 7 журнала (где напечатана рецензия) Островскому заплачен гонорар за семь с половиной страниц. Это как раз объем рецензии о «Тюфяке» (фонд 231 Погодина, разд. III, п. 27, ед. хр. 59).

Как еще раз доказывают архивные материалы, Островский самым активным образом участвует в издании «Москвитянина» в 1850—1851 годах. Однако не надо понимать эту деятельность как систематическое авторское сотрудничество в отделе критики и библиографии. Островский принимает на себя в эти годы обязанности одного из редакторов и организаторов журнала.

Многие рецензии из числа приписанных драматургу, вероятно, несут на себе следы его редакторского пера. Отчасти в этом можно видеть оправдание того, что статьи таких авторов, как Ап. Григорьев или С. Колошин, приписывались Островскому. С другой стороны, опубликование Григорьевым в 1850 году такой статьи, как рецензия на «Причуды», — не случайный факт. В 1850—1851 годах сам Григорьев — ученик Грановского, недавно проповедовавший фурьеризм и предлагавший в 1847 году Погодину кандидатуру М. Петрашевского для заведования политическим отделом журнала¹, — еще находился под влиянием общего протестантского, демократического настроения, царившего в кружке Островского. Лишь впоследствии (примерно с конца 1851 — начала 1852 года) окончательно формируются взгляды Григорьева — за-

¹ См. «Примерное содержание и оценка первой книжки «Москвитянина» (1847), фонд 231 Погодина, разд. III, п. 27, ед. хр. 32.

щитника младославянофильских идеалов, проповедника идеалистической теории искусства. К 1852 году правеют и другие участники кружка — Е. Эдельсон, Т. Филиппов, Б. Алмазов. Они начинают испытывать влияние Григорьева, объявившего себя «главой нового направления». Знаменательно, что именно в этот период (со второй половины 1851 года) Островский, как показывают архивные материалы¹, уходит из критического отдела «Москвитянина», тем самым как бы слагая с себя полномочия главы «молодой редакции» и идейного вдохновителя объединявшегося вокруг него кружка.

2

Вот уже пять лет, как работа Л. Когана «Летопись жизни и творчества А. Н. Островского» (Госкультпросветиздат, 1953) является настольной книгой всякого, кто всерьез интересуется изучением наследия Островского. Этой книгой пользуются научные работники, аспиранты, студенты, учителя. Надо ли говорить, как необходима такая «Летопись», книга-справочник, свод фактических данных о жизни и творчестве писателя. Несомненно, что все значение, весь смысл такого рода изданий в их строгой верности фактам.

Л. Коган отмечает в предисловии особый характер своего труда. Он противопоставляет свою «Летопись» тем работам, которые следовали «требованиям ложно понятой объективности» (стр. 7). Однако составитель «Летописи» вступает на путь исправления и домысливания фактов. И это тем более ему удается, что порою факты, о которых идет речь, заимствованы из рукописных источников, недоступных большинству читателей.

Одним из часто цитируемых в книге источников является неизданный дневник М. Погодина. Этот ценнейший документ содержит основные сведения о деятельности Островского в 1850—1855 годах, и потому мимо него не может пройти ни один биограф драматурга. Однако как используется этот «Дневник» в «Летописи»? Метод автора не сложен. Он не затрудняет себя детальной расшифровкой действительно головоломного почерка Погодина. Ему достаточно] уловить одно-два слова из записи в «Дневнике», чтобы составить очередную рубрику «Летописи». Неразобранные слова автор с успехом восполняет собственными суждениями, никак не выделяя их из приводимого текста. Вот как это выглядит.

1. Как известно, 3 декабря 1849 года Островский на вечере у Погодина в присутствии Гоголя читал свою комедию «Банкрут». В «Летописи» по этому поводу читаем:

«Декабрь 26 [1849]. М. П. Погодин записал в дневнике, что О. «возбуждающе» подействовал на Гоголя своей комедией, «заставив его высказаться» (Арх. Пог. Рук. БЛ, л. 56 об.)».

¹ «Распределение работы между сотрудниками — членами редакции «Москвитянин» (конец 1851 г.) (фонд 231 Погодина, разд. III, п. 27, ед. хр. 27). Как видно из этой таблицы, составленной Ап. Григорьевым, критика художественных произведений возлагается на Эдельсона и самого Григорьева. Графы с именем Островского подчеркнуты. Оставаясь номинально сотрудником редакции, он, видимо, отказался от какой бы то ни было работы по отделу критики. Об этом же говорит известное письмо Островского к Погодину, где он заявляет, что не хочет писать «какие-либо другие вещи для «Москвитянина», кроме художественных» (А. Н. Островский, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 25).

Действительно, на обороте листа 56-го в записи от 26 декабря упоминаются имена Гоголя и Островского. Но совсем в иной связи: «Бел[яев] сказыв[ал], что он хочет в августе печатать статьи истор[ические]. Он тоже подвинет все-таки меня, как Остр[овский] Гоголя». Это значит, что Погодин, встревоженный успехами молодого историка И. Д. Беляева, видит параллель к этому вытеснению старых деятелей новыми в отношениях Гоголя и Островского.

2. В «Летописи» читаем:

«Апрель 4 [1850 г.]. М. П. Погодин записал в дневнике, что у него «досада от недоразумений с О — м и прочими» (Дн. Пог. Рук. БЛ., л. 60 об.». Если бы запись эта была верна, то она давала бы нам новые факты о противоречиях между Погодиным и Островским, представлявшим интересы своего кружка, будущей «молодой редакции». Однако на самом деле в дневнике Погодина от 4 апреля 1850 года мы читаем: «Поутру досада от недораз[умений] конторы, Остр[овского] и проч.».

То есть отмечены обычные в погодинском журнале недоразумения сотрудников с конторой. Тогда же в дружеском письме к Островскому от 5 апреля 1850 года (см. «Неизданные письма», М.—Л. 1932, стр. 421) Погодин обещает разобраться и уладить недоразумения между Островским и конторой «Москвитянина».

3. В «Летописи» читаем:

«Сентябрь 4 [1850]. О. был у М. П. Погодина, много рассказывал о подкупности и бюрократизме судей и чиновников. Передал Погодину рукопись повести А. Ф. Писемского «Тюфяк» и советовал приобрести ее для «Москв.» (Дн. Пог. Рук. БЛ., л. 64)».

Однако на самом деле запись Погодина выглядит так: «Остр[овский] о судах, привез повесть Пис[емского] и проч.». Видимо, это «и проч.» соблазнило автора «Летописи» на развернутое толкование беседы, о действительном содержании которой мы, вероятно, никогда не узнаем.

4. В «Летописи» читаем:

«Октябрь 31 [1850]. О. и С. Колошин были у М. П. Погодина и обвиняли его в несправедливом отношении к сотрудникам «Москв.». О. читал отрывки из «Бедной невесты» (Дн. Пог. Рук. БЛ., лл. 66, 68)». Нечего разьяснять, как важны были бы эти сведения, говорящие о прямом конфликте Погодина с «новыми сотрудниками» (в том числе, видимо, с Островским), если бы они соответствовали действительности. На самом деле в дневнике Погодина от 31 октября 1850 года записано:

«Остр[овский] и Кол[ошин] о нов[ом] поколен[ии], которое ужасно несправедливо к старикам».

5. В «Летописи» читаем:

«Апрель 1 [1851]. О. был у М. П. Погодина, говорил с ним о привлечении к сотрудничеству в журнале Т. Н. Грановского и о нежелательности сотрудничества Шевырева (Дн. Пог. Рук. БЛ., л. 69 об.». В «Дневнике» Погодина от 1 апреля 1851 года записано: «Остр[овский] о Гран[овском], Шев[ыреве] и проч.».

В этом случае толкование автора «Летописи» правдоподобно. Из писем Островского мы знаем, что он с симпатией относился к Грановскому и хотел привлечь его к работе в журнале. Но вызывает удивление самый метод автора — ставить знак равенства между собственной догадкой и документом. А что, если в данном случае Островский как раз положительно отзывался о Шевыреве? Или не одобрял Грановского? Ни в пользу такого утверждения, ни против него мы не имеем достаточных доводов.

Приведенные примеры вовсе не исчерпывают всех случаев легкомысленного от-

ношения к архивным материалам, весьма странного и недопустимого в такой солидной работе, как «Летопись» Л. Когана.

Большие задачи, стоящие перед советскими литературоведами в изучении мировоззрения и творчества Островского, не должны подменяться упрощением, искусственным «прояснением» его сложного творческого пути. А ведь именно эта тенденция — сделать факты более «удобными», не объяснить, а упростить их сложность — сказалась в том вольном обращении с документальным материалом, о котором шла речь.

В. ЛАКШИН

НОВЫЕ КНИГИ О БАЙРОНЕ

В недавнем романе английского писателя Кингсли Эмиса «Здесь мне нравится» (1958) есть любопытный эпизод. Молодой литератор Бауэн отплывает в Португалию. На борту парохода, прощаясь с английскими берегами, он невольно вспоминает знаменитые строки Байрона: «Опять Гарольд, изгнанник добровольный, пустился в путь...» Но тут же он спешит мысленно оправдаться перед самим собой, что погрешил, предавшись столь старомодным воспоминаниям. Ведь на самом-то деле, утешает он себя, он перечитывал Байрона в последний раз только для того, чтобы расширить размеры своей рецензии на очередную биографию поэта, — а такое чтение никак нельзя считать добровольным!

Этот квазиюмористический эпизод по-своему поучителен: он показывает, в каком пренебрежении находится в буржуазной Англии наследие одного из ее величайших поэтов.

Было бы несправедливо отрицать заслуги английского и американского байроноведения. За сорок лет после окончания первой мировой войны прежнее классическое собрание поэтических сочинений, дневников и писем Байрона, вышедшее под редакцией Кольриджа и Протеро в 1898—1901 годах, пополнилось новыми важными публикациями (из которых следует в особенности отметить двухтомное издание переписки поэта под редакцией Джона Мэррея, куда вошли многие рукописные материалы, сохранившиеся в архивах этого наследника первого издателя сочинений Байрона). Большую ценность представляет четырехтомное издание «Дон-Жуана» Байрона (с вариантами), подготовленное Стеффаном и Праттом (1957). Вышел ряд содержательных исследований, посвященных отдельным периодам жизни Байрона и творческой истории некоторых важнейших его произведений; отметим, например, книги Пратта «Байрон в Саутвелле» (1948), Борста «Первое паломничество лорда Байрона» (1948), Клайна «Байрон, Шелли и их кружок в Пизе» (1952) и другие. Книги этого рода расчитаны, однако, по преимуществу на сравнительно узкий круг специалистов. А одновременно с ними шумно рекламируются и гораздо более широко распространяются сенсационные биографии, где поэтическое творчество и общественная деятельность великого революционного романтика пренебрежительно отодвигаются на второй план, чтобы дать простор пошлым сплетням и прямой клевете, облеченным в модную и претенциозную форму квазинаучных психопатологических «изысканий».

В нашей печати уже была дана оценка некоторым из этих книг, имя которым поистине легион, как, например, «Байрон. Последнее путешествие» Никольсона или «Байрон. Обзор царства ханжества и рассечение байроновского «эго» Валья-